

Василий Кораблев

Прятки

16+

Василий Кораблев

Прятки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730202

SelfPub; 2022

Аннотация

Москва. Филипп едет к своей девушке, но оказывается, что виза в Москву просрочена. Обманным путём он попадает в город и становится преступником. Для преступника только один способ искупить вину – его отправляют на свалку, место в сорока километрах над городом, где разбирают космический мусор. Там Филипп вынужден принять участие в Олимпиаде по игре в прятки, где он – часть жестокого плана.

Содержание

Предисловие	4
1	6
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	16
8	17
9	19
10	21
1	24
2	26
3	28
4	29
5	30
6	32
7	36
1	38
2	40
3	44
4	45
5	48

Василий Кораблев

Прятки

Предисловие

В какой-то момент он почувствовал, как стало холодно, и ноги загрохотали по железу. Легкий ветер осени без приглашения залез под рубашку, и тело покрылось мурашками. Потом снова душно и тесно. Темнота и неестественное положение тела заставили Филиппа немного придти в себя и оглядеться. Пространство вокруг напоминало вздернутый вертикально фюзеляж самолета. Филипп чувствовал нагрузку на спину и слова Андрея начали пульсирующей болью всплывать в его голове. Сорок километров над Землёй. Он в челноке и сейчас под ним что-то взорвётся и с неистовой скоростью, разрывая лёгкие и облака, умчит его наверх.

Филипп дернулся и попытался освободиться, но не смог. Внезапно появился гул и уши заложило. На его спину что-то очень сильно надавило, и заболели глаза. В иллюминаторе справа лишь ощущениями, а не зрением замелькала темнота, и неотвратимость происходящего выдавила слёзы злости из глаз. Десять месяцев. Сорок километров над Землёй. Принудительные работы по сортировке космического мусо-

ра на надземной свалке. Как так случилось, что его приезд в Москву к Даше обернулся настолько фатально? «Надо будет найти Мурата когда вернусь» – мелькнуло в голове.

Часть первая. Площадь трёх вокзалов

1

Филипп третий раз приложил свою визу к валидатору. Красный крест и характерный звук, появившиеся и прозвучавшие уже два раза до этого, убедили всех в очереди, что его виза недействительна, но он приложил её в третий, чем вызвал недоброжелательный ропот в толпе. Люди торопились в столицу и задерживающий их неудачник, тыкающий просроченную визу и ждущий чуда, очень всех нервировал.

После третьего сигнала, пожилая женщина, стоящая за ним, грубо оттолкнула молодого человека и гордо пикнув, прошла за стену в город. За ней потянулась остальная очередь, рано потемневшим осенним днем, на поезде в 19.40, прибывшая на Ленинградский вокзал из Санкт-Петербурга. Филипп остался перед стеной.

2

Он отошел от очереди, стоявшей на выход на Каланчевскую улицу со стороны Ленинградского вокзала, и вернулся к его дверям. Присев на гранитную ограду перед главным входом, посмотрел на визу. Бесплезная. Филипп был настолько зол на себя и на продавцов, которые оказались мошенниками, что внутри у него все щекотало и чесалось. Только усилием воли удавалось сидеть на месте.

Сегодня ему надо обязательно попасть в столицу. Там ждет Даша. Она согласилась на встречу и готова выслушать его, а может и начать все с начала. Кроме Даши ничего нет. Филипп посмотрел на стены. Уже двенадцать лет Москва ввела визы и окружила стенами все въезды в город. Над стеной по эстакаде проследовал поезд, идущий к Курскому вокзалу. Филипп опустил взгляд ниже и увидел бесконечные очереди. С Ленинградского, Казанского и Ярославского вокзалов, люди стояли в очередях на выход в город и на вход в метро. Пространство площади трех вокзалов было полностью занято червяками из человеческих тел. Они двигались, колыхались, дрались и ругались. Некоторое червяки стояли почти неподвижно и тихо, другие же, словно пойманные и насаженные на крючок, извивались во все стороны.

«Насаженные на крючок червяки» – неприязненно подумал Филипп и встал с гранитной ограды на пандусе Ленин-

градского вокзала.

3

Он двинулся против часовой стрелки через площадь в сторону Казанского вокзала. Там начался перерыв прибытия поездов. Перерыв на каждом из трех вокзалов делался на три часа каждые три часа, чтобы дать возможность разгрузить замкнутое пространство площади и не провоцировать давку у пропускных пунктов. Филипп стратегически решил, что там, где меньше народа, больше возможности поймать московскую сеть, мобильную или вай-фай. Ему было необходимо связаться с Дашей и объяснить ей, что произошло, но Москва глушила на пунктах приезда свою мобильную сеть, чтобы она, перегруженная сорока пятью миллионами жителей, не испытывала давление приезжих.

Филипп обошел вокзал со стороны Каланчевской и забился в угол возле бывшей парковки. Здесь, около стены, недалеко от опустевшего пункта пропуска, было спокойнее всего.

В этом углу ещё даже не построили «коконы» – во всю высоту стены, отделявшей Москву от площади трех вокзалов, вдоль этой стены выстраивались одноместные, застекленные и звуконепроницаемые ячейки для сна и отдыха тех, кто по каким-то причинам не попал в Москву и не вернулся в свой город. Там, поднявшись по лестнице или на лифте к своей ячейке можно было только лечь, захлопнув за собой стеклянный колпак и с высоты пятнадцати метров наблюдать за

замкнутой в самой себе площадью.

4

– Здесь связи не будет – усталый спокойный голос прозвучал совсем рядом над головой, склонившегося над экраном молодого человека.

– Бесплезно пытаться – ещё раз повторил, будто с грустной улыбкой, тот же спокойный голос и рядом с Филиппом уселся пожилой человек.

– Лучше ловить сигнал за стеной – старик улыбнулся, прищурился и приветливо кивнул – давно наблюдаю за тобой. С момента твоего провала у валидатора.

Филипп поднял голову. Перед ним сидел татарин в цветастом изношенном халате и улыбался целыми рядами зубов и бесконечными изгибами морщин на загорелом лице.

– Меня зовут Мурат. Раньше я работал носильщиком на Казанском вокзале.

– А сейчас? Потеряли визу и шляетесь здесь без дела? – Филиппу вдруг захотелось обидеть этого человека, будто он нашел причину своих проблем, и она оказалась именно в нем.

– Нет – негромко засмеялся Мурат – сейчас я помогаю таким как ты.

– Помогаете? Это чем? Остаться без денег?

Мурат перестал улыбаться и чуть наклонил голову вправо:

– Ты мне заплатишь, конечно. Но за дело. Я помогу тебе

перейти за стену. Ты ведь туда направлялся, когда колотил своей карточкой по валидатору? В Москву? Вот я тебя и отправлю.

5

– Через три часа откроют Казанский вокзал и закроют Ярославский. Потом Ленинградский. Я наблюдаю за этим уже семь лет. С тех пор как нас, носильщиков – Мурат сделал глубокую затяжку и табак, терпким густым дымом посадил ему голос и заставил зажмуриться – носильщиков значит, заменили те самые роботы.

– Шаттлы – вставил Филипп.

– Шаттлы – повторил Мурат и сплюнул желтую слюну под стену. – С тех пор просто наблюдаю, как живет этот маленький мир в мире побольше многих. Москве – неприязненно закончил он.

– Вот посуды – продолжал Мурат, закуривая снова, и словно не замечая, как нервничает Филипп – здесь, на этой вот площади трех вокзалов встречаются три культуры – русская, с вокзала Ярославского прибывает, европейская с Ленинградского и исламская вот отсюда – он повернулся спиной к Филиппу и показал рукой в сторону Казанского вокзала.

– Прибывают они все на поездах своих и сталкиваются здесь, на этой замкнутой площади. И даже очереди у них в Москву все разные. Дышат по-своему. Даже русак или, скажем, финн какой-нибудь, оказавшись в татарской очереди, начинает вести себя по-татарски. – Он усмехнулся и похлопал Филиппа по плечу. – Культура. Где ещё так явно увидеть

все это? Загородились стеной от людей, а тут такая вот каша теперь мешается. Да ты не переживай. Успеешь.

6

– Некоторые так и остаются здесь, совсем. Спят в «коконах», а живут на площади. Я вот, например. У меня и виза есть в Москву, да только не нужно мне туда.

– Мне нужно.

Филипп перестал верить старику. Уже и Казанский вокзал открылся, и покушали они в столовой у камер хранения в цокольном этаже Ленинградского вокзала, а только обещанный процесс проникновения за стену так и не начался.

– Даша уже ждать перестала, я уверен – удивительно спокойно для себя произнес Филипп.

– Даша? – повернулся к нему Мурат – если такой пустяк как опоздание на восемь часов приводит к тому, что она перестанет ждать, то зачем тебе она?

– Она для меня всё, понял?! – гневно крикнул Филипп, достал телефон и в тридцать восьмой раз нажал на её имя в списке звонков.

– Остынь – примирительно сказал Мурат – ты сегодня должен быть как лед, иначе не получится ничего. Иди в «кокон», поспи пару часов. Я буду ждать тебя, где встретились.

На два часа снять «кокон» стоило не очень дорого, и когда Филипп поднимался на лифте на самый верх пятнадцатиметровой стены, он почувствовал себя очень уставшим. Когда подъем завершился напротив его спального места, он привычно, как теперь почти везде, приложил штрих-код, стекло открылось, и он пробрался на свое место. Филиппа удивило то, что кокон оказался стеклянным в две стороны, и, повернувшись на левый бок, он увидел железнодорожный мост для поездов и поезд, идущий к Курскому вокзалу. Засыпая, Филипп почему-то вспомнил, как стоял однажды в очереди на выход в Москву и также по мосту двигался поезд и как возле одного из колес, под уютно сидящей в купе семьей, мигал яркий огонек.

8

– Выспался? – Мурат опять широко улыбался и казался очень довольным.

– Выспался. Что-то хорошее случилось, пока я спал?

– Случилось – Мурат ехидно улыбнулся и снова похлопал Филиппа по плечу – и ещё случится, надеюсь.

– Теперь слушай – тон так резко изменился, что Филипп невольно оглянулся на шедшего чуть позади Мурата – время пошло и старайся запомнить все с первого раза. Кругом дроны или как их там, поэтому лезть напролом тут нельзя. Это глупо просто. Сейчас закроют Ленинградский вокзал. Начнется обход путей. Тебе надо попасть на рельсы. Для этого я кое-что принес. Возьми мешок. Потом откроешь. В туалете или где-нибудь ещё. Только сделай это, пока не закрыли вокзал и поболтайся там немного. Нет ничего приятнее, когда всех выгоняют с вокзала, а тебя гонят на работу на пути. Это самая приятная часть выхода за стену. Выйдешь на пути, там светло и тоже дроны, поэтому поработай немного, не ленись. Час поработай. Хорошая работа под поездами ползать. Только ползай ближе к концу платформы, это самое важное.

На моей памяти всегда только один поезд за время перерыва отгоняют на полустанок под проспектом Мира и твоя задача за этот час, понять какой же. Как поймешь, не отходи от поезда и жди, покуда не тронется. Когда тронется, не зе-

вай, прыгай куда-нибудь на поезд или под вагоны, затихарись и отдыхай. Это самая комфортная часть выхода за стену. Как доедешь до проспекта Мира, незаметно вылезай, очень осторожно, там свет и тоже дроны и снова осматривай под вагонами. Вроде как ищешь таких же, как ты есть сам.

Теперь самое сложное. В этом месте сходятся поезда и на Ленинградский вокзал, и на Курский. На Курском вокзале нет стены и валидаторов, потому что он транзитный и визовый контроль все проходят на таких промежутках как полустанок под проспектом Мира. Стена здесь. Тот, который на Курский вокзал тормозит и медленно проезжает сквозь скан-стену, сверяя посадочный лист и визу. А регламентный с Ленинградского вокзала, то есть тот, на котором ты приедешь, останавливается перед стеной с этой стороны, пропуская тот, который идет на Курский. Пересаживаясь на него, ты едешь чистым на Курский вокзал. Это их дыра, прореха, не иначе. Только не зевай. Как проедет скан стену наполовину, двигайся к поезду. Пока проверку проходит последний вагон, он едет очень медленно и тебе не составит труда залезть между вагонов или под вагон. Где уж удобнее. И все. Ты в Москве. Здравствуй, Даша.

Уже час как Филипп расстался с Муратом. Он проводил его до Ярославского вокзала, где Мурат и остался, заставив ещё раз проговорить вслух все инструкции и взяв весомую плату за свои знания и форму служащего пути Ленинградского вокзала. Когда последний раз Филипп обернулся, Мурат сидел у стены Ярославского вокзала, что рядом со входом в метро. Через несколько секунд Филиппу в грудь ударила толпа прибывших с Ленинградского, рвущаяся к валидаторам при входе в метро и усталая улыбка Мурата потонула в телах нетерпеливой, кричащей и дерущейся европейской культуры.

Потом он пробился к Казанскому вокзалу, к тому углу, где встретил Мурата, и, пользуясь толпой и темнотой как прикрытием, натянул форму на себя.

Теперь же, Филипп ходил по пустеющему вестибюлю Ленинградского вокзала, с замиранием сердца ожидая оклика и требования предъявить удостоверение. Но вместо этого получил удар по спине, и чей-то грузный голос потребовал от него немедленно выходить на пути для осмотра и обслуживания вагонов. Филипп двинулся в сторону перронов и спрыгнул на пути. С фонарем он ходил вдоль вагонов и заглядывая под них, высматривал только место, где можно притулиться и относительно безопасно добраться до проспекта Мира.

Вдруг один из поездов вздохнул и забурился. Филипп почувствовал, как похолодела его спина от страха, но в то же время и от осознания своей удачи – тархтел его поезд, чьи вагоны он осматривал все это время. Филипп огляделся и стараясь двигаться неторопливо дошел до открытой двери одного из вагонов и стремительно влез в черный проем.

– А твой Филипп стучаться головой об шпалы не хочет – засмеялся Андрей, развалившись на заднем сидении Теслы и разглядывая картинку на встроенном мониторе.

Мурат улыбнулся:

– Я же сказал ему, что это самая комфортная часть выхода за стену, он воспринял буквально видимо.

– Почему же ты не сказал про вагоны, что нельзя в них влезать, потому что там паспортные метки стоят?

– Я сказал ему, куда надо влезать. Перечислил все варианты. Их два, ведь так? Он выбрал третий. Свой. Такая судьба у него, Андрей.

– Но теперь его точно поймают и навсегда вышвырнут из Москвы – Андрей посмотрел серьезно – ты говорил, у него тут Даша, а он даже не знает, что больше никогда не увидит её и не сможет связаться с ней.

Мурат потянулся и снова улыбнулся:

– Но это будет только завтра. Если у них все хорошо, я думаю, они найдут способ увидеться. Например, Даша придет к нему. А пока давай ждать сигнал с поезда на Курский вокзал. Они почему-то всегда светят фонариками смартфонов. Я хочу выиграть эту партию и доказать тебе, что выход за стену с Ленинградского лучше, чем с Ярославского.

Он хлопнул Андрея по плечу и с видом победителя достал

сигарету:

– К тому же призовой фонд после участия Филиппа более чем солидный. Какой там у нас счет?

– Погоди – Андрей немного отстранился и пристально посмотрел в сторону Каланчевской. В этот момент по эстакаде проезжал поезд в сторону Курского вокзала.

Под одним из вагонов мелькнула яркая точка, которая тут же скрылась за перилами моста.

Андрей повернулся к Мурату.

– Нам надо его найти.

– Зачем это? Его скоро схватят и высадят сам знаешь в каком месте. Лететь туда и разыскивать его по свалке нет желания. И повода.

– Ты не сказал ему про паспортные метки. Почему? Это первый раз, когда ты ведешь такую игру.

Мурат пожал плечами и отвернулся к окну.

– Ты решил затащить его в прятки?

– Да. Сам знаешь, Олимпиада начинается, а у меня ни одного участника нет.

– Но ты вербуешь его не по правилам. Мы отправляем только тех, кто не платит за проход, такой был уговор.

– Времени нет, Андрей. Давай уже закроем тему. Филипп участвует.

Андрей резко дернул ручку и вышел из машины. Рядом стояла другая машина. Он сел в неё и через автомобильный паспортный контроль, в створе Русаковской улицы рванул в

сторону третьего кольца.

Часть вторая. Свалка

1

Филипп понял, что потерял смартфон только когда поднялся с земли. Он спрыгнул на вал вдоль Каланчевской практически сразу, как только появилась возможность, метров за пятьсот до моста у площади трех вокзалов. Прокатившись вниз, он уткнулся лицом в холодную землю московской осени и лежал так не меньше двадцати минут, прислушиваясь к улице. Все было ровно, ровно гудело, ровно пикало светофором, ровно покрикивало какими-то загулявшими людьми и никто не бежал к нему и не окрикивал его.

Тогда Филипп привстал и вот его ощущение, такое всегдашнее ощущение тяжести в правом кармане брюк, вдруг не пришло вместе со всем остальным – осанкой, равновесием, зрением и запахами не земли, а города. Филипп сунул руку в карман, и оказалось, что смартфона нет. А вместе с ним и визы, пусть просроченной, но это всегда есть повод договориться. А так он преступник без рода и уж точно, вне московского племени.

К Даше было идти не близко. По Каланчевской и после через Протопоповский переулок в сторону проспекта Мира, обойти Олимпийский и через сеть тонких улочек дойти до улицы Советской Армии, а там через Сущевский вал на Бутырку и рядом с Савеловским вокзалом будет тот самый дом. Дом Даши. Обычно Филипп шел около полутора часов, не

разбегаясь и не плетясь, но сейчас стояла совсем другая задача. Надо было не попасть в руки патрулей и прочих дружинников.

Филипп чуть сдвинул брови и задумался. Он посмотрел в сторону Протопоповского переулка. Там было тихо, шум доносился больше с другой стороны. Но тишина всегда обманчива и Филипп решил идти длинным путем – через Самотечную до Новослободской и по ней выйти прямо в створ Бутырки. Людно, значит более безопасно.

2

Андрей двигался по паспортным меткам Филиппа. То, что потерялся смартфон и виза Андрей не знал, но все прошлые маршруты по визе отображались и все вели в одну сторону. Бутырка. Новодмитровская.

Когда Андрей запарковался возле дома, вокруг было тихо и спокойно. Как бывает в каждую ночь, пока не случится что-то, за что ночи называют опасными. Обыкновенный дом. Обыкновенные судьбы и обыкновенные окна на третьем этаже. Все темно. И двор, и окна.

Низкую тень над землей Андрей заметил уже тогда, когда решил просто поехать домой и завтра выяснять судьбу беглеца под визой номер 1000272575. Андрей чуть придвинулся к ветровому стеклу. Так и есть. Фигура прошла вдоль дома, остановилась у парадной, и через несколько десятков секунд в одном из окон на третьем этаже вспорхнул свет. Даша. Еле слышно пиликнул сигнал, как призыв к действию и Андрей высыпался из машины и бегом помчался к двери. Она закрывалась также стремительно, как и шансы Филиппа договорить хотя-бы слово «здравствуй» в проеме лифта третьего этажа, но Андрей успел. Он выбросил кисть и мизинцем, а скорее острейшей болью в нём, остановил смыкание рамок дверного проёма. Третий этаж. На втором Андрей присел и прислушался. Ровные голоса проемом выше. Ров-

ные и страшные.

Нелюбовь.

Её можно уловить в шёпоте и крике. Во взгляде или отсутствии взгляда в нужный момент. В ухмылке или отсутствии улыбки. В слишком длинной тишине, когда замечаешь, что твой недавний собеседник просто занят своим. В тишине. В отвернувшейся от тебя спине ночью или холодном объятии – когда руки опущены и в них нет желания, а просто терпение. В терпении твоих слов и движений. В нетерпении твоих движений и твоего внимания. В обидах и нежелании прощения. В формальном прощении. В голосах на лестнице пролетом выше. В Даше.

Андрей немного смутился. Холод дашиных слов достал и его. Она, ничего для него не значащая женщина, там наверху. Как-будто она уходила и от него. Ведь это и есть самое страшное, вдруг понять, что она уже не с тобой, что кто-то сумел вырвать у тебя из рук её сердце и спрятать до поры так надежно, что она становится глуха, и невосприимчива к тебе, как близко вы бы не были до этого. В женщине притягательнее всего и страшнее всего молчание. Потому что это её тайна.

4

Филипп спускался вниз так стремительно, что Андрей еле успел выйти на улицу перед ним. Он вышел первым и его сразу скрутили патрульные, но пикнув по телу и получив хороший сигнал, Андрей был отброшен в сторону и принят бегущий следом Филипп. Провели сканером и по нему, но сигнала не последовало вовсе, а это самый нехороший сигнал. Филиппа поймали.

Его руки уже оказались за спиной и он был практически упакован, когда Андрей развернулся и подошел к арестанту:

– Буквально минута – он посмотрел на патрульных, и достаточно настойчиво придвинулся к Филиппу – тебя отправят на свалку. Это в сорока километрах над Землёй. Там на свалке космического мусора я тебя найду. Не уходи далеко от места распределения, не прячься и не сбегай. Не сбежишь. Просто дожись меня. Меня зовут Андрей. Сейчас темно и меня не особо видно, поэтому договоримся, что паролем будет то, что случилось только что наверху. Понял?

Филипп кивнул. Андрей быстро развернулся и пошёл в сторону машины.

5

Филиппа будто заморозили. Он не замечал боли в руках от вывернутых неестественно кистей. Его чувства словно остановились на одной из ступенек лестницы, когда он сбегал вниз и отказались следовать за ним, а решили остаться там, с Дашей. Он не заметил, как его довели до приемника и посадили на стул для оформления. Следователь по его делу был предельно краток: «Без визы? Паспорта? Смартфона? Хм. Это свалка на десять месяцев, а после пожизненный отказ в выдаче визы». Что-то где-то щёлкнуло, пискнуло, потом из принтера появился документ, опять где-то кто-то шлёпнул по бумаге и Филиппа снова повели.

В какой-то момент он почувствовал, как стало холодно, и ноги захрохотали по железу. Легкий ветер осени без приглашения залез под рубашку, и тело покрылось мурашками. Потом снова душно и тесно. Темнота и неестественное положение тела заставили Филиппа немного придти в себя и оглядеться. Пространство вокруг напоминало вздернутый вертикально фюзеляж самолета. Филипп чувствовал нагрузку на спину и слова Андрея начали пульсирующей болью всплывать в его голове. Сорок километров над Землёй. Он в челноке и сейчас под ним что-то взорвётся и с неистовой скоростью, разрывая лёгкие и облака, умчит его наверх.

Филипп дернулся и попытался освободиться, но не смог.

Внезапно появился гул и уши заложило. На его спину что-то очень сильно надавило, и заболели глаза. В иллюминаторе справа лишь ощущениями, а не зрением замелькала темнота, и неотвратимость происходящего выдавила слёзы злости из глаз. Десять месяцев. Сорок километров над Землёй. Принудительные работы по сортировке космического мусора на надземной свалке. Как так случилось, что его приезд в Москву к Даше обернулся настолько фатально? «Надо будет найти Мурата, когда вернусь» – мелькнуло в голове.

6

На свалке оказалось очень холодно, и его легкой осенней одежды было совсем недостаточно, при всем том, что на свалке поддерживалась достаточно комфортная для космоса температура в двенадцать градусов. Филипп поежился и обхватил себя руками – ещё на выходе из челнока, патрульным сопровождающим была обещана соответствующая одежда и тёплая еда. Но прошло уже двадцать минут или около того, но никто так и не подошёл.

Их привезли группой из двадцати четырех человек – все осуждённые на исправительные работы за незаконное проникновение в Москву. Филипп стоял в стороне и пытался найти глазами Андрея, который подошёл к нему у дома Даши. Андрея не было. Зато рядом была толпа арестантов и их разговоры. Главной темой стала возможность угодить в мусорные гонки или по-простому «прятки».

– Гонками это соревнование называется потому, что надо придти первым, но основная идея, это прятки. – собрал вокруг себя круг слушателей один из арестантов. Чуть больше сорока лет, приземистый, слегка дерганый, но это так заключил Филипп.

– Первым надо придти совершенно незамеченным. Никем. Нужно просто оказаться на финише быстрее всех. Внезапно оказаться там. – пояснял он остальным и Филипп при-

слушался.

– Вы спросите, конечно же, почему я говорю, что беда угодить туда, ведь это просто приколы такой. Но суть как раз в незаметности. Для этого созданы все условия. Но для поиска условий ещё больше. А для выживания условий нет никаких.

– Идём.

Этот голос Филипп узнал и тут же обернулся. В холоде вечной ночи надземной свалки он узнал Андрея.

– Куда? – спросил Филипп и удивился своему голосу, спокойному и чуть хриплому, как всегда хотелось.

– Тебе надо готовиться к игре.

Филипп отстранился от Андрея и угрожающе сжал кулаки. Андрей заметил всё и обезоруживающе развёл руки:

– У нас есть пятнадцать минут от силы, чтобы занять место игрока. Если этого не произойдёт, то ты останешься здесь на десять месяцев и вряд ли снова увидишь Землю. Если же дойдешь до финиша, отправишься назад с визой и статусом неприкасаемого.

– Слушай, Андрей, это смешно, потому что похоже на тысячи доисторических боевиков. «Смертельная гонка», например. Смотрел?

– Смотрел. Но дело не в том, какая идея. Всё украдено. «Смертельная гонка» украдена у «Гладиатора», если тебе угодно. Кто-то участвует в чем-то, где цена свобода и жизнь. При этом все соперники смертельные враги и у всех есть оружие для слежки и убийства. Важно, почему ты здесь.

И почему тебе надо играть.

– Почему мне надо играть?

– Я уже ответил тебе, и наше время безвозвратно уходит. Там уже очередь на запись. Идешь?

Андрей совершенно сменился с момента встречи у дашиного дома. Создалось такое ощущение, будто он узнал что-то очень неприятное и не мог отделаться от этого.

– Да, иду – Филипп даже сам, услышав свои слова, немножко удивился тому, что сказано было совершенно спокойно и уверенно, хотя было понятно, что Андрей ничего не объяснил и верить ему нельзя. – Ты поставил на меня что-ли, что так нервничаешь и злишься?

Но спросил Филипп уже в спину удаляющемуся Андрею и тот ничего не услышал, или сделал вид. Очередь не выглядела устрашающей, видимо желающих получить свободу, и пожизненную визу в Москву было не в избытке. В результате Филипп записался пятнадцатым. На Олимпиаде по игре в прятки игра проводилась один раз в день. В одной игре участвовали четыре игрока. То есть Филиппу предстояло играть на четвертый день после начала Олимпиады. Или через семь дней всего. Сама же Олимпиада проводилась раз в год, и считалась, в посвященный кругах, невероятным по напряжению событием, а потому была очень популярна.

После регистрации они распрощались с Андреем и Филиппа повели в бараки, где располагались работники свалки космического мусора. Филипп сразу ощутил преимущества

игрока – им разрешалось обследовать свалку в любое нерабочее время. То есть можно ходить, а не сидеть взаперти. Но сегодня только спать.

За те три дня, что Филипп провёл на свалке до Олимпиады, он практически всё время до отбоя прогуливался по территории игры и старался запоминать. Живого Солнца катастрофически не хватало, не хватало воздуха, еды и тишины. Запахи на свалке были монотонны и ненавязчивы, как в пригородной электричке. Но синтетическое происхождение места скрыть было никак нельзя.

Горы отходов представляли собой ровно вытянутые галереи с проходами именно в том месте, где была территория Олимпиады. Остальной мусор был просто свален как попало, и задача арестантов состояла в том, чтобы его разбирать, сортировать и перерабатывать. На переработке трудились совсем отчаянные головы, и это была закрытая территория. Филипп забирался на ровные ряды мусорного полигона игры и всматривался в различные пустоты и впадины между обломками.

Через день его внимание привлёк тот факт, что на крайней правой галерее есть пустота, сформировавшаяся таким образом, что по ней можно было пройти почти половину дистанции – около километра. А всё потому, что в этом месте равномерно скинули большие обломки и они образовали под собой пустоту, что-то типа коридора, где, перебираясь сквозь переборки, через проёмы и под остовами, можно бы-

ло двигаться совершенно незамеченным.

В изучении галереи и прошло его время до первого дня Олимпиады по игре в прятки.

Часть третья. Прятки

1

Первая игра началась. После представления участников и остальной церемонии открытия Олимпиады, на взгляд Филиппа, достаточно скучной и ненужной, был объявлен первый старт. Участники встали перед игровым полем, которое представляло из себя огромную кучу космического мусора, чуть дальше, разделяясь на четыре ровные галереи. По сигналу участники двинулись к куче и исчезли в ней, пролезая в пустоты между обломками спутников, челноков, застрявших на орбите ступеней, некоторого оружия разной степени поражения и всего того, что кружится на орбите вокруг Земли.

Каждому участнику также выдавался пульт управления дроном, который летая над поверхностью кучи, контролировал противников. При обнаружении, дрон тут же открывал огонь на поражение. В первой игре Филипп отметил, что никто не пытался сразу сбить дроны других игроков, хотя ему мысль показалась забавной, и он решил начать с этого. Ведь так победить проще всего – сбить дроны и пробежать по поверхности кучи до финиша.

Первая игра закончилась едва начавшись. По комической случайности все игроки ринулись одну и ту же галерею и сразу себя обнаружили. Филипп запомнил в какую галерею все устремились и с удивлением для себя, ведь та, где удобный подмусорный лабиринт осталась не только нетронутой, но и

в отдалении от игроков. Вторая и третья игры прошли как в тумане, потому что Филипп не был азартен и подобный экшн не привлекал его. Но он вдруг с уханьем, и грохотом погрузился в себя. Перед испытанием нервы расслабились, и ровное спокойствие, тягучей густой массой, заполнило сердце. Филипп думал о Даше. Много дней он провел в тоске и желании встречи, достаточно преодолел для этого, а в итоге на лестнице третьего этажа его встретило безразличие. Она только пожала плечами и, словно от холода, а на самом деле давая понять, что пора уходить, обхватила руками талию и чуть поежилась. Потом в нетерпении отвела взгляд в сторону, чуть дёрнула правой ногой и произнесла только четыре слова: «у нас разные дороги». У нас разные дороги. И всё. Тёплое небо и две тёмные дороги. Филипп был разорён. Как гнездо или как город. От него не оставили ничего эти четыре слова. Он даже был рад, что его поймали и утащили в космос от Бутырского вала. Ему не придётся целых десять месяцев ходить по Петровской набережной, и опираться на гранитные постаменты Ши-Цзы, в глухой беззвучной панике пытаться не думать о Даше.

2

На старте было прохладно. Или это озноб? Ночь прошла спокойно, но очень утомительно. И ночь ли это вообще? Или день? Здесь непонятно и биологоические часы сходят с ума. Строго придерживаться плана, а там как получится. Импровизация в деле, которым ты не владеешь, практически сразу обречена на провал.

Прогудел старт и Филипп вошёл в груды обломков. Сегодня острее, чем все эти дни он почувствовал душный запах ненужных вещей. Филипп оглянулся. Мельком взглянув на экран с дрона, распластаный на левой руке, он не стал тратить время на поиск соперников. Ещё Филипп понял, почему никто не расстреливает чужие дроны – камеры работают по ограниченному углу и никогда не увидят ничего, кроме мусора, что под ним, а заданная высота не позволяет им держаться на разных высотах.

Он сразу повернул вправо и под навесом какого-то спутника протиснулся в следующую пустоту. Там он остановился и прислушался. Под ногами лежал кусок металлической обшивки, а рядом с ней, или даже под ней, высверкивая серебряным краем, аккуратно потерялся чей-то смартфон. Филипп присел и взял находку в руки. Времени изучать её не было, он просто пихнул смартфон в карман и двинулся дальше. Пока что его движение было строго направо, а не вле-

рѐд. Пробираясь по останкам и поминутно натыкаясь на острые загнутые края, он целился в крайнюю галерею. Филиппу было комфортно здесь. Шаг, присесть, чуть вправо, ещё нагнуться, теперь вперѐд, можно встать и снова присесть, а теперь чуть вскарабкаться и уже там, на высоте нескольких метров надо лечь, отжаться, пролезть, снова спуститься и всё заново. Двигался он быстро и сосредоточенно, но шаг за шагом возвращался мыслями к смартфону. Он был точно такой, как у него самого, того, что потерялся на Каланчевской несколько дней назад. Филипп упѐрся в край мусорной кучи и увидел знакомый проѐм, который на целый километр или около того, вѐл беспрепятственно к финишу.

Уведомление в смартфоне звякнуло настолько буднично, что Филипп машинально сунул руку в карман и посмотрел уведомление.

«Он в галерее? Условием было это. Теперь мы...»

Так как смартфон был заблокирован, весь текст прочитать не удалось. Но и не надо было. Он как грохот падения всей этой свалки на Землю прозвучал в ушах. Номер Даши. Он ещё раз внимательно прочитал фразу. Тут снова звякнуло.

«Надо уточнить у Андрея. Если он там, то в расчѐт...»

Групповой чат. Филипп осмотрелся кругом. Он стоял в проеме разрушенного стыковочного отсека на свалке космического мусора, и он был в игре. Он не знал судьбу ни одного из трех других участников игры, но был точно уверен в том, что его пока не нашли. Никто не знал, где находится Филипп

на участке свалки в квадратный километр. И только он видел тропу, пролегающую через обломки и останки, и половину тропы он уже прошёл.

«Андрей, ты где там? Филипп в галерее? В как...»

Вопрос был ему. Филипп провёл по экрану вверх, но это было глупо, кода он не знал. Надо двигаться. Огромным якорем его тормозила информация из смартфона. Даша, Даша – крутилось имя в голове, но никак не укладывалось то, что она подкинула его им. Как можно подкинуть человека кому-то в игру? Кто такой этот Андрей? Надо спускаться вниз. Для этого нужен финиш.

«Нет там твоего Андрея. Мне нужно знать, что всё конч...»

В этот момент впереди раздался шорох. Отчётливый звук движения навстречу. Филипп огляделся и аккуратно вышел из отсека. Уведомление звякнуло ещё раз, но Филипп не смотрел.

– Вот он где, чёрт – совсем рядом раздался громкий шёпот. Филипп уронил смартфон на пол, он шумно ударился и где-то наверху перед лицом Филиппа Андрей ругнулся ещё раз. Филипп присел на корточки и отполз за широкий лист искореженного спутника.

Андрей появился со стороны финиша на крыше стыковочного отсека. Он сел на край, свесил ноги и спрыгнул на пол. Смартфон лежал прямо перед ним. Андрей поднял его и прочитал все сообщения. Тут же ответил.

– Филипп – негромко сказал он и оглянулся по сторонам – если ты рядом, выходи, нам надо поговорить. Я на твоей стороне.

В ответ на тишину Андрей чуть улыбнулся:

– Я знаю, ты здесь, но не в этом дело. Не хочешь выходить, не надо. Я уверен, что ты теперь немного в курсе всей истории, но отнимать время на рассказы у тебя сейчас не хочу, тем более, что твой соперник, который остался, уже немного впереди. Поэтому я оставлю тебе смартфон. Я разблокирую его и положу вот здесь, на пол где я стою. И уйду. Докладывай о своих передвижениях сам. Отдашь на финише. Да, насчёт соперника. Теперь это зрители. Игроков не осталось, они все отправятся отбывать свой срок. Но владельцы дронов среди зрителей, уже пустили их по галереям и над ними в поисках тебя. Двигайся быстрее. Впереди около километра. Во время отдыха можешь прочитать переписку чата и поймёшь что к чему. Пока.

Филипп услышал шорох удаляющихся шагов, Андрей споткнулся, чуть не упал, выругался. Шорох, шорох, шорох. Звук действительно затихал. Через пять минут Филипп вышел из-за листа железа и поднял смартфон. Он был разблокирован и открыт в чате.

3

Вокруг Филиппа лежало три разбитых дрона. Сейчас сюда прилетит ещё два, потому что теперь они знают, где он находится. Вот, судя по сообщению в чате на подлёте дрон Мурата. Славный Мурат, а оказался жестоким игроманом.

«Андрей, я почти у цели, вижу его, присядь там где-нибудь ;-)))»

Мурат был весел и беззаботен. Филипп же просто спокоен. Он увидел дрон и приготовился. Как и с тремя другими, с дроном Мурата Филипп разделался просто. Сетка-спальник командного отсека валялась неподалёку и была натянута на расстоянии недостаточном для прицельной стрельбы. Она оказалась незаметным препятствием для дронов, но совершенно фатальном для них. Дрон Мурата врезался в сетку, завизжал перегревающимися моторами от несвободы верчения лопастей, а после затих. Филипп поднялся с очередного корпуса, теперь уже китайско-корейского челнока и снял сетку. Последний дрон был Дашин. Он сможет его поймать.

Дробные удары зачастили по телу и Филипп упал. Сзади в пяти метрах зияла огромная дыра финиша. Впереди, куда свалилось его обездвиженное тело, зияла огромная дыра темноты. Оттуда пришла Даша.

Нелюбовь.

4

«Даша, здравствуй) Меня зовут Мурат и ты теперь должна нам денег. За своего отца. Он проиграл в прятки и я попал, потому что мы договорились»

«Да пошёл ты. У нас с отцом нет ничего общего уже много лет. Ничего я не должна»

«Это не так. Он сказал, что я могу обратиться к тебе. Я потратил много времени чтобы найти тебя и не думай, что просто так слезу. 500 000. Через неделю»

«Даша здравствуй) Неделя прошла. Я могу приехать за деньгами?»

«Нет у меня денег»

«Плохо(У меня есть три варианта. Об одном ты догадываешься и это противно, второй – твоя квартира и есть ещё третий. Что выберешь?»

«Хм. Не любишь загадки? Ок. Тогда третий вариант. Ты приведёшь мне игрока. Молодого. Который отработает на ставке твои деньги. Ты не можешь знать, выиграет он или нет, но ты должна полностью быть уверена в том, что он сильный, наглый, подготовленный и, главное, злой. Мотивированный. Делай что хочешь, но заведи его или опустоши. Он не должен думать. Справишься?»

«Да, это подходит. Сколько есть времени?»

« До следующей большой Олимпиады год. У тебя есть

год)»

«Я нашла. У нас всё сложно, но он по-моему именно такой, как надо»

«Когда? Денька за три – четыре давай его в Москву)»

«Сегодня я попросила его приехать, как ты просил. Сказала, дам ему второй шанс. Он весь раздёрганный, но это его сильно мотивирует, думаю)»

«Отлично. Как я узнаю его на вокзале?»

«Зачем?»

«Неважно»

«Ну хорошо, чтобы ты сделал, если бы виза оказалась не просроченной?»

«Андрей, я бы выкрал их у него и сдал бы у Даши патрулю. Ты не понимаешь, мы год готовили его. Даша, ты умница. Отличный парень. О тебе думает. Встречай, он двигается в твою сторону. Приласкай его. Так он будет стремиться победить»

«Чёрт, Даша. Ты его бросила? Ну ты и стерва. Знаешь хоть, что ему предстоит? Ладно. Сам решу, на что ставить»

«Он в галерее? Условием было это. Теперь в расчёте?»

«Надо уточнить у Андрея. Если он там, то в расчёте»

«Андрей, ты где там? Филипп в галерее? В какой? Всех порешили, надо начинать охоту»

«Нет там твоего Андрея. Мне нужно знать, что всё конечно у нас с тобой»

«Погоди. Погоняйся со мной. Я поставил на поражение»

и мне всё-равно, кто это сделает. Давай, а? Победишь – в расчёте))) Готова?»

«Он в четвёртой галерее, вижу как двигается где-то в пятистах от финиша»

«Идет бодро. Около трёхсот. Вы далеко?»

«Андрей, я почти у цели, вижу его, присядь там где-нибудь ;-)))»

5

Я буду ждать тебя у ши-цза в Питере

Мы просто сядем, вода, там, и волны нам

Июнь же всё-таки – не в куртке, не в свитере

Я с тобой, значит вино и лицо ветрам

Это будет июнь, двадцать пятое

Я под вечер приду к домику Петра

Я не фан, это не ватно-мятное

Просто видеть тебя хочу до утра

Мне всё рядом, я выйду к дуэли днем

И пойду с чёрной речки к ши-цза, я свой

Так ведь не было, чтобы вот просто, бом

И присесть, поболтать наравне с Невой

Говоришь, что вот любишь, что искренне

Что от сердца, ну вот и я

Там война, и над небом бьёт искрами

Помолчим у ши-цза, вот ведь шанс...